

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 16

1983

Игорь ЛЯПИН

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Игорь ЛЯПИН

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

ПОЭМА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Игорь ЛЯПИН

Игорь Иванович Ляпин родился суровой осенью 1941 года на Урале в семье рабочего. Вырос на Украине, в городе Никополе. Рано потеряв отца, шестнадцатилетним пареньком взял на себя заботы о семье. Закалку с ранней юности он получил настоящую, рабочую. Отсюда и истоки его поэзии.

Служба в рядах Советской Армии, учеба в Литературном институте имени А. М. Горького, работа на северных реках плотогонном, матросом на рыболовецких сейнерах учили его познанию жизни.

После Литературного института, который закончил в 1971 году, началась серьезная литературная работа. По первой книге «Междуречья», получившей премию издательства «Советский писатель», молодой автор был принят в члены Союза писателей. Вслед за первой книгой вышли поэгические сборники: «Стороны света», «Живу тобой», «Не вешние воды», «Не в чистом поле», «Линия судьбы».

За сборник «Не в чистом поле» и поэму «Линия судьбы», отмеченную премией журнала «Огонек», Игорь Ляпин удостоен в 1982 году звания лауреата премии Ленинского комсомола.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

ПОЭМА

Глава первая

1

Фантазия...

И слава ей
и честь!

И вымысел иной
до слез доводит.

А думаешь опять
о том, что есть,

О том, что вправду
с нами происходит.

Живешь как все —
ни легче, ни трудней.

И знаешь,
что единственная помощь —

Душа любимой женщины твоей.

— Любимая,
ты помнишь,
помнишь,
помнишь?

Была у нас
нелегкая пора.

Как мы крепились,
как с тобой терзались!

Не от хорошей жизни мы встречались

В Коломенском у домика Петра. —

В Коломенском
у домика Петра

Шумят степенно
липы вековые,

Почти полжизни
были мы не вместе.
Почти полжизни...
Долгие года.
Ты кто, ты где —
в догадках я терялся.
И в женщинах встречавшихся
всегда
Твои черты
угадывать старался.
В надежде весь
и в ожиданье весь,
То с радостью случайною,
то с болью,
Я точно знал,
что ты на свете —
есть,
Не знал лишь,
где мы встретимся с тобою.
В каком краю
сведут дороги нас,
Но что сведут,
настолько ясно было,
Что, может быть,
поэтому как раз
Меня по белу свету и носило.
То бил озноб у жаркого костра,
То на упругих палубах
качало,
Немало в жизни встретилось
добра.
Но было
и недоброго немало...

* * *

Ты помнишь,
как забота нас несла
По ГУМу,
где людей всегда лавина.
И вдруг не с криком, с воплем:
— Ну дела!—
На шею мне обрушился детина.
Так ошаршил, так чудак примял.

— Проездом, — тараторит, — здесь,
на сутки.
Чё, не узнал?
Да чё ты, не узнал? —
И руки все показывает,
руки.
Все тискает.
— Браток, — кричит, — браток! —
Потом тебя увидел:
— Извините. —
Я, мол, не по-столичному чуток,
Мол, не серчайте
и не осудите.
Стоит при бородище,
при усах,
Тельняшка
под нейлоновой рубашкой.
И вдруг
родная искорка в глазах —
И я к нему на шею:
— Сашка! Сашка!.. —
Ты чутко-чутко слушала потом,
Как жили мы,
как живы с ним остались,
Когда в реке взбесившейся вдвоем
Воды и страху вдоволь нахлебались.
Выл Енисей.
И все случилось вдруг.
Волна пошла по судну с ревом, стуком,
И парня — за борт.
Я бросаю круг,
Да так, что сам туда же
вместе с кругом.
Швыряет нас гремучая вода,
А в ней коряги, бревна,
что попало.
— За круг! — кричу. —
За круг держись, балда! —
А он не может — руки поломало.
Я сам не помню,
как его тащил.
Потом возились долго с ним хирурги...
А хорошо, что так,
что не забыл,
И, видела,
совсем здоровы руки.

Волна встает,
она готова смять
Все замыслы
и все мои решенья,
Ведь не вода пошла по рекам вспять,
А я гребу,
гребу против течения.
Пойми меня, обиды не держа,
Прости,
что от разлук не избавляю,
Что, все сильней тобою дорожа,
Все чаще
одинокой оставляю.
Пусть если плачешь —
плачется светло,
Пусть локоны твои не разовьются.
В какую б даль
меня ни занесло,
Исход один —
опять к тебе вернуться.

* * *

В который раз
я жизнь благодарю
За то, что и голубила,
и била,
И под свою рассветную зарю
Меня не по обочинам вводила.
А распахнулась
сердцу и глазам —
От соловья до грохота фугаса:
Мол, вот я вся —
приглядывайся сам
И сам давай вникай
и разбирайся.
В былые дни,
в событий круговерть
Меня уже несет поток широкий,
И в нем
совсем не трудно рассмотреть,
Какие были чистые истоки.

* * *

Мне эта была навеки близкая,
О ней раздумья не легки.
Долина. Станция Долинская.
Составы, насыпи,
гудки.
И эшелонов звуки трубные.
И вот —
размашистой рукой —
По всем вагонам строки крупные:
«Мы из Берлина»,
«Мы — домой».
Такая радость всеми властвует.
Цветы,
вопросы не попад.
Слова всеильные:
«Да здравствует...»
Полощет огненный плакат.
Оркестр военный,
пар кружение,
И суета, и кутерьма,
И поцелуи, и смущение,
И смех, и слезы —
жизнь сама.
И разговоры откровенные,
И звон сияющих наград,
И эти платья довоенные
У раскрасневшихся девчат.
Все так сердечно,
так волнующе.
И светом все озарены
Таким весенним
и ликующим,
Как будто не было войны.
А дали все еще
багровые,
А губы все еще
горчат.
И паровозы
маневровые
По-человечески
кричат.

* * *

Уже катилась в прошлое война
И в сторону
невзгоды относило,
Но все еще аукалась она,
Стонала,
причитала,
голосила.
На пустырях, на улочках глухих
Порою той,
для всей страны —
рассветной,
Как много их, ровесников моих,
Пометила она
кровавой метой.
Суровой были
страшная печать,
Она всю жизнь стоит перед глазами:
Ведь только в нашей школе
было пять,
Пять мальчиков
с пустыми рукавами.
В ту пору
из мальчишеской гурьбы
Подстерегали всякого оплошки,
Ту роковую
линию судьбы
Ведя по каждой
маленькой ладошке.
Но мы свою лихостью горды —
Мы ценим риск,
отчаянную смелость!
Поздней пришла осознанность беды,
А в детстве
как-то проще все смотрелось.

* * *

Очень не хватало книг Детгиза
Той, послевоенную,
порой,
И хоть воздух светом был пронизан,

Вместо книг
запал,
взрывчатка,
гильза
У мальчишек были под рукой.
И в своем кругу
мы дело знали.
Пропадая в поле дотемна,
Шмыгая носами, форс держали —
Профессионально разряжали
Все,
что нам оставила война.
Только слишком много
было пыла.
А затей все не по летам.
Профессиональность подводила.
И беда,
беда тогда ходила
По пятам за нами,
по пятам.
Не умели мы остерегаться,
И разрывы ухали, крепки.
От несчастья —
некуда деваться...
Чепуха,
когда не стало пальца,
Потрудней,
когда одной руки.
Но и так
не всех судьба хранила.
Вовка Тюрин,
первый мой дружок:
Двух прыжков до ямы не хватило —
И рванула
силища тротила.
Десять лет —
и без обеих ног.
Как в падучей билась тетя Лиза,
Вовкина сломившаяся мать.
Дым взлетал,
и дым стелился низом...
И конечно,
мало книг Детгиза
Нам пришлось в ту пору прочитать...

Что сверкали
 слепо
 стекла
Позолоченных пенсне.
И, сощурив
 оба глаза,
Толковал
 хитрющий дед,
Как найти
 энтузиазма
Русский
 коэффициент.
Не хватало
 хлеба,
 мыла,
Но кипела
 жизнь страны...
До меня
 все это было,
Лет за десять до войны.
Жизнь вокруг
 давно иная,
Только прозвище
 хранит,
О былом
 напоминая,
Заводчанка
 «Уолл-стрит».

* * *

Я добегал по ней до входа
В барак,
 где с первых мирных лет
Был безусловный
 штаб завода —
Его
 партийный
 комитет.
Где в рамку
 пулевых царапин
Вписала
 твердая рука
Довольно крупно:
 «И. С. ЛЯПИН»

И ниже чуть:
«Парторг ЦК».
А был я
 маминого зова
Вполне весомый аргумент:
Не прибеги сюда —
 и снова
Отец забудет про обед.
И так часами я
 дежурным
Стоял у хлопавших дверей.
И видел:
 входят люди хмуры,
А вот выходят
 веселей.
И где теперь он,
 тот товарищ,
Что, мне поправив воротник,
Все сокрушался:
 — Эх, не знаешь,
Який твой батько
 чоловик! —
Входила женщина —
 рыдала,
Но, покидая кабинет,
Довольно громко всем сказала:
— А говорите:
 правды нет...—
Всё выходили,
 заходили
В фуфайках,
 в сбитых сапогах.
Порою тихо говорили,
Порой кричали о делах.
Тогда я слышал
 между прочим
Какой-нибудь осипший бас:
— Иван Семенович,
 рабочих
Там не послушают,
 а вас...—
И не могу тебе поведать
О чувстве радостном,
 с каким
Я вел потом отца обедать,

И с севера,
и с юга...
И уже
Он поднимался,
грузен и натружен,
А матери
таких, как я, мальцов
По десять раз подогревали ужин,
С работы поджидаячи отцов.
Гудок трубил призывно и сурово,
И, матерей
сводящее с ума,
Авария —
пронзительное слово —
Врывалось в незащитные дома.
Нам не понять еще
всей этой боли,
И жизнь пока не очень-то горчит.
На переменках
в нашей средней школе
Бесчинствуют тряпичные мячи.
В тетрадках есть и тройки
и пятерки,
Запалы по карманам, поплавки,
Учитель
в полинявшей гимнастерке,
Прихрамывая, ходит у доски...
Но обрывались
школьные уроки,
Едва седьмой заканчивался класс.
Широкие отцовские спецовки
Перешивали матери для нас.
И прямо в цех.
Там звон и грохот стали
Нас оглушал.
Там сам рабочий класс
Нам руки жал.
Там наших батек знали
Настолько,
что считали —
знают нас.
И день за днем
сирена не смолкала,
И трубы раскаленные неслись...

А в нем,
 простреленном навывлет,
Решалось главное тогда:
Осилит или не осилит.
И он осилил,
 как всегда.
Я помню те,
 незатяжные,
Без многословности пустой
Собрания общецеховые
С их митинговой прямотой.
Там без красоты парадной
И без привычной всем канвы
Была простой
 и крайне краткой
Речь представителя Москвы.
И мир кривился буржуазный,
И было радостно
 до слез,
Что оборонные заказы
В работу с ходу шли,
 с колес.
Тогда,
 срывая планы НАТО
И придавая силы нам,
Магическое слово
 «надо»
Ходило эхом
 по цехам.
И в этом кратком русском слове
Так ясно слышалось опять,
Что нашей Родине
 не внове
Задачи трудные решать.

* * *

Ты представляешь,
 что такое стан?
Тяжелый стан горячего проката?
Иной тут сразу мыслит про карман.
Конечно,
 там приличная зарплата.
Но для меня иные те —
 не в счет,

Они простой раскладки не охватят:
Социализм,
 поскольку он — учет,
Зазря копейки лишней не заплатит.
А если платит,
 если выдает,
То, видно, никуда уже не деться.
И значит —
 там действительно не мед.
А может —
 ничего нет, кроме перца.
Любой пусть будет
 трижды славен труд,
И все-таки,
 ребята цеховые,
Мы за словами
 «производство труб»
Всегда чуть больше видим,
 чем другие.
Да, многое нам было по плечу.
Теперь, припомнив о горячем стаже,
Я кинолентой прошлое кручу...
Мне двадцать лет.
 А Юрка чуть постарше.

* * *

Мы с ним как братья,
 с этим Юркой.
Я у него на лодке юнгой.
Я весь в поту зарю встречаю,
Я головою отвечаю
За спички,
 соль,
 за якоря,
Бензин.
 Короче говоря,
За все с меня
 серьезный спрос —
Не пассажир я, а матрос.
Мой капитан
 готов к отплытью,
Как путешественник к открытию.

Молчу и думаю:

«Наверно,
Как ни живем обыкновенно,
А если делу мы верны,
Нет ни ему,
ни нам цены.
Залечат парню эту травму,
Но кто ему облегчит драму,
Когда он с тростью по заводу
Пойдет

на «легкую работу».
Ведь Юрке
только двадцать лет,
А нет другой дороги.

Нет.
Вот и крепись,
вот и держись.
И думай, что такое жизнь».
Мы с Юркой спины разгибаем,
Мы деловито разгребаем
Костер,
чтоб не ворчал лесничий,
И спать.
Но где-то голос птичий,
И не до сна.

Летит звезда...
Вся жизнь —
то радость,
то беда.
И ни товарищу,
ни мне
Не оказаться в стороне.

* * *

Да, кто-то прав,
а кто-то виноват.
Все в этой жизни четко:
или — или.
Учили нас.
Давно в земле лежат
И многие
из тех, что нас учили.
Те первые уроки далеки.

Экзамен жизни —
главный наш экзамен.
Какие были мы ученики,
Сегодня
очень ясно видим сами.
Хотя в пример не ставили меня,
Любимая,
я не был самым трудным.
Но там
в душе
лежит грешком подспудным
Мальчишеская выходка моя.
Уже в Москве,
да ясным-ясным днем,
Тоска
ну просто за сердце схватила,
А ведь не знал,
что в городе моем
Молоденькая ива загрузила.

* * *

Молоденькая ива загрузила
За городом
у старого пруда...
Насыпана еще одна могила,
Поставлена еще одна звезда.
Я знал его.
Я с ним работал в паре,
Я первые стихи ему читал.
И он сказал:
— Вот ты — толковый парень,
А жизнь еще не знаешь ни черта... —
Я так читал,
взволнованный и гордый,
Я голосом чеканил
каждый стих —
Неровные,
но пламенные оды,
Поющие героев заводских.
Многотиражка «Трубник» оды эти
Печатала, почти не правя строк.
«Не знаю жизнь...»
Ну что ему ответить?

И я сорвался:
— Тоже мне, знаток!—
А стан гремит,
а подменить нас некем,
Прокат идет.
Огонь идет сплошной.
Но что я знал об этом человеке?
Да только то,
что это — мой старшой.
Не знал,
когда в спецовке нараспашку
Глотал горячий воздух цеховой,
Что эту смену,
стычку эту нашу
Не раз я вспомню с горькою виной.
Умерит жизнь высокие восторги,
Одические строки оборвет
И преподаст
такие мне уроки,
Таких еще затрещин надает.
И всякий раз
я буду видеть снова,
Как в стан идет пылающий металл
И старого вальцовщика —
старшого,
Который жизнь не понаслышке знал.
Я наклоняюсь к скромному надгробью,
Его прищур на фото узнаю
И понимаю:
запоздалой болью
Я ничего уже не изменю.
Но если бы судьба явила чудо
И он меня,
припомнив пареньком,
Среди стального грохота и гуда
Обнял бы крепко:
— Ну и как живем?—
Я б так сказал, стыдясь своей обиды,
Давно не тот парнишка заводской,
Давно уже
и ломаный
и битый:
— Живу, старшой.
Прости меня, старшой.

И если я
 под ношей непосильной
Могу стоять,
 держусь на вираже —
Так потому,
 что трубоволочийный
Остался
 вечной юностью
 в душе.

* * *

Металл пылал
 и остывал металл,
А сердце не могло уgomониться.
Ведь я уже тогда
 тебя искал.
Девчонкам встречным вглядываясь в лица.
Ты снилась мне.
 Я помню эти сны.
Я в них уже
 руки твоей касался,
И столько было в сердце новизны,
Что я от счастья
 утром просыпался.
И представлял,
 как встречу,
 подойду —
И сразу
 столько света в мир прибудет.
Я знал,
 что обязательно найду,
Да вот не знал,
 как трудно это будет.
Дохнут не скоро
 добрые ветра,
Не скоро та,
 с поющими лучами,
В Коломенском
 у домика Петра
Счастливая
 взойдет звезда над нами.

Однажды
 поднимусь я на заре
И осознаю
 страшную потерю.
И вновь
 на этой праведной земле
В твое существование
 поверю.

2

В дорогах легче всякая печаль.
Плыл самолет,
 неслись упряжки с лаем.
Передо мной
 распахивалась даль
Из края в край — всем Красноярским краем.
С его тайгой,
 таежной глухотой,
Дремучими
 Саянскими хребтами,
С убийственной
 таймырской мерзлотой
И жаркими
 подчеркнуто
 жарками.
Здесь через все пространство —
 Енисей,
Могучий,
 то смиренный,
 то кипящий,
С печальной
 историей своей
И со своей судьбою
 настоящей.
Я сам по этой хаживал земле.
Сушил пимы,
 отогривался спиртом
В том знаменитом
 Шушенском селе
И в Туруханске,
 тоже знаменитом.
У скал стоял,
 у тех «столбов» седых,
Когда закат подсвечивал
 багрово

Бог знает
как возникшее на них
«Свобода» — будоражащее слово.
История
повсюду не проста,
А тут на ней особые пороги —
Все темные
да мертвые места
Перемежают
явные остроги.
О сколько было
горестных путей
По безоглядной,
по российской шири —
До Енисея,
и за Енисей,
И там —
до океана
по Сибири.
Такой размах земли,
такой простор!
Но как на нем Россия
скорбно пела.
Мне кажется,
он слышен до сих пор,
Тот жуткий грохот
Ленского расстрела...

* * *

Как хорошо,
что наша память
Умеет вспыхнуть,
как заря.
Всплывет сквозь лед,
пройдет сквозь наледь,
И это ей благодаря
Давно заученные были
Встают
особенно горьки,
Когда о матушке-Сибири
Заговорят сибиряки.

Когда,
и где,
и как я мог
Так ясно слышать
звон кандалный
Вдоль исторических дорог?
Когда
и где пришло сознание,
Что к той глубинке,
к дали той,
Как к высшей мере наказания,
Приговорен был
предок мой?..
Прислушиваюсь
к чутким соснам,
На огонек иду
любой,
В Сибирь иду,
но я не сослан,
А если сослан,
то собой.
И сам готов
кружить в пороше,
Глотать мороз,
искать друзей,
И с каждой встречей
станет больше
Ее судьбы
в судьбе моей.
И это будет
как основа
И как залог,
что не рвалась
Не в переносном
смысле слова,
А кровная
буквально
связь.

* * *

Не призывая божий суд,
А с болью
истинного друга

Что на пути
на том тернистом
Еще оков услышат звон
И внук
и правнук декабриста.
Добра со злом
не примирить.
Еще такие бури
ахнут!
И слово страшное
«сгноить»
Всегда
Сибирью
будет пахнуть.
Недальний предок наш знавал,
Как в ней и пелось
и терпелось...
Когда поэт
туда писал,
Он весь был
мужество и смелость.

* * *

Да, боль как боль.
Она острее здесь.
Она вошла тут
в каждую травинку.
Перед глазами
самый первый
рейс:
Идем из Красноярска
на Дудинку.
Все глуше,
все мрачнее берега.
Еще на них
угрюмый лес корежит
Та вековая,
давняя тоска,
Что до сих пор
развеяться не может.
Нас провожают
створы да буи,
А ветер жестче,
а волна крепче.

И горести житейские свои
Становятся все мельче,
мельче,
мельче...

* * *

Ухнет волнища —
и берег качается.
Держимся в графике четко,
точь-в-точь.
Сутки,
вторые —
а день не кончается,
Вон оно, чудо-то —
белая ночь.
Белая ночь —
голубая,
не белая.
Белая ночь —
и не ночь и не день.
К берегу катит
волна белопенная,
Меньше и меньше
живых деревень.
В этих местах
нелегко приживается —
Сколько покинутых
черных дворов!
Чья это память
во мне
прожигается?
Слышу
сухой перестук топоров.
Вижу людей,
что, надеясь на лучшее,
Ждали,
как бога,
любой пароход.
Но пароходов
гуденье тягучее
Им не сулило
счастливых
хлопот.

Сколько здесь жарких сердец заморожено,
Сколько у этой студеной воды
В мерзлую землю до срока положено.
Только окрест ни креста,
ни звезды.
Только волнение леса прибрежного,
Только гнилая избенка видна...
От Маклакова до города Снежного
Горькие были качает волна.

* * *

Волна меня несла,
несла,
несла,
Распахивая настезь даль за далью,
Ведя по рубежу добра и зла,
По горькому для всех воспоминанью.
В какой мы только не были дыре,
В каких тогда упряжках не таскало
По Енисею, и по Ангаре,
И по Байкалу, и вокруг Байкала.
Висели от беды на волоске,
И ветром и волною с ног валило.
Все эти строчки здесь пришли,
в Москве,

А там,
 в тайге,
 все это проще было.
Смотрел вокруг
 и все на ус мотал:
Открытия,
 потери
 и находки.
Потом
 я много раз в Сибирь летал,
Уже по службе,
 а не по охотке.

3

И вновь Байкала
 плещется волна.
Тайга.
 Тайга в тумане,
 за туманом.
Здесь каждый знает:
 если б не война,
Уже б давным-давно
 мы были с БАМом.
Любимая,
 как боль еще сильна!
И нет воображенья,
 только память.
Вот произнес я:
 «Если б не война...»
И ничего ты знаешь,
 не представить.
Любимая,
 зато любой из нас
Поведает рассказом
 полновесным,
Как сквозь войну
 в победный самый час
Страна тянула
 бамовские рельсы,
А где-то там —
 амурская волна.
И день идет не вспять,
 идет с востока.

На стройплощадку вышла
вся страна.

А стройка что?
Гремит себе, как стройка.

* * *

От главного пути неподалеку,
На складе рельсов,
стеганок
и шпал

Некрасова
«Железную дорогу»
Прораб
своим строителям читал.

Была для всех конторка
тесновата,
Кто в полушубке,
кто и налегке —

Стояли тихо славные ребята,
Зеленые,
как елочки в тайге.

Читал прораб
своим осипшим басом

Так истово,
как будто верил сам,

Что не писатель
Николай Некрасов,

А он,
прораб,
все это написал.

Про мерзлый грунт,
про мертвый стук лопаты,

Про насыпи,
бегущие в глуши,

И мне казалось,
что не для бригады

Читает он,
а больше для души.

Читал прораб.
И здесь,
на самой стройке,
Для каждого представшей
без прикрас,

Со школьных лет заученные строки
Звучали так,
 как будто в первый раз
Расслышаны как следует.
 Так было.
В устах прораба
 под метельный свист
Протяжный,
 от которого знобило,
Они особый
 обретали смысл.
И виделся тот давний,
 тот далекий
Печальный мир
 ямщицких скоростей,
В котором только строились
 дороги —
Прабабушки
 стремительных путей.

* * *

А в том
 еще не капитальном
Поселке дальнем
 Магистральном
Водили вьюги хоровод.
И в ожиданье вертолета
В кругу задорного народа
Пришлось мне
 встретить Новый год.
В сосновой
 новенькой столовой,
Где новый шеф
 и повар новый,
Забив недавний запах щей,
Дыша тайгою откровенно,
Сияла елка,
 как царевна,
И стали столики тесней.
Весь новогодний этот вечер
Заваривался чай покрепче —
Поскольку был
 сухой закон.

И речи были очень кратки,
Зато гремели
 без оглядки
Гитары и аккордеон.
Но к полночи
 завскладом Рита
Нашла-таки
 бутылку спирта —
Одну
 на сорок человек!
И в позу мы
 не становились,
Все сорок
 честно причастились
И вышли в ночь
 на белый снег.
Мело,
 и воздух был морозным,
А небо, небо было звездным,
И звезды
 падали к ногам,
Искрился снег,
 темнели ели,
Шутили все,
 а после пели,
И пели, впрочем,
 не про БАМ.
Не о себе сказать тянулись.
Казалось,
 люди оглянулись
Назад —
 на дедов, на отцов.
Не горло надрывали —
 душу,
Все про Каховку,
 про Катюшу
Да про буденновских бойцов.
И так бродили мы в поселке,
Пока над гребнем грузной сопки
Не обозначилась заря.
И чувство,
 чувство было свято,
Что эти парни и девчата
Сюда приехали
 не зря.

* * *

А ехали, конечно,
кто за чем.
Кто за рублем,
а кто, глядишь, за славой.
Как и повсюду в жизни,
между тем,
Народ вокруг и сильный был
и слабый.
Тому —
масштабы кипятили кровь,
А тот от тещи убежал —
и здрастье!
Кто шел забыть
несчастную любовь,
А кто искать,
как говорится, счастья.
Вбивались в землю
первые столбы.
И в спорах
обговаривались сроки.
Переплетались:
линии судьбы,
И жизни,
и стремительной дороги.
Я был сюда
любой поездке рад.
Спасибо,
что столица не держала
И даже выдавала мне
мандат
Солидного московского журнала.
Я отдавался полностью
делам,
Чтоб не томиться,
не вздыхать,
не грезить,
Но, видно,
никакой работой нам
Волнений сердца
не уравновесить.

* * *

Снова был на просеке,
на рубке,
А теперь
в вагончике сажу.
Я сажу на койке
в полушубке
И портянки влажные сушу.
Здесь дыра,
и БАМ пройдет не скоро,
А зима в таких местах
лютей.
И нужны тут ясли,
баня,
школа,
Чтоб уж было все
как у людей,
И какой бы снеговой
ни дунул,
Здесь,
где тишина оглушена,
Человек работал
и не думал,
Как там ребятишки,
как жена...
От столицы
далека-далёка,
Будет вечно
в памяти моей
Эта
между соснами веревка
С ползунками детскими на ней.
Мне в парткоме,
где такой же холод,
Вечный от курильщиков туман,
Объяснили:
— Нужно строить город,
И такой,
чтоб сразу был генплан.
Чтобы с первой сваи
рос вернее,
Посмотрел и видишь —
вот он, весь.

Хоть и говорят:
 Москве виднее,
Все-таки видней,
 наверно, здесь.—
Речь людей проста и не пространна,
Слушай да для дела
 замечай.
Ну а после
 девушка Татьяна
Крепкий нам заваривает чай.
И в парткоме,
 в этой комнатенке,
С жаркими стаканами в руках,
Говорим о городе,
 о стройке
О житейских
 всяких там делах.
Секретарь вздохнет:
 проблемы, дескать.
А народ-то в общем —
 мировой.
Оставайся — скажет —
 дней на десять.
Говорю:
 — Да нет, пора домой.—
И отмечу
 с тихую печалью,
Посмотрев в замерзшее окно:
Я совсем по дому
 не скучаю,
А ведь так быть в жизни
 не должно.

* * *

Раздался скрип парткомовских дверей.
Она входила грузными шагами,
Завьюженная женщина
 с глазами
Далекой однокурсницы моей.
Ударил ветра свежего
 порыв,
И даже задышалось сразу легче.
Я искренне обрадовался встрече —

Привету той, студенческой поры.
Мы были слишком юны, черт возьми!
Она дышала книжными страстями,
Она считала —
 пропасть между нами,
И мы расстались
 разными людьми.
И вот вдвоем по Звездному бредем.
Над нами небо звездами искрится,
И никуда не надо торопиться.
Мы думаем о давнем, о своем.
— Ну, как ты здесь, рассказывай, ну как? —
Она сказала: — Так, обыкновенно...
Ушла от мужа.
 Дочь растет, Елена.
Да ты и сам как будто холостяк... —

Звезда упала — я не загадал.
У фонарей носились снега блестки.
И я спросил, без всякого,
 по-свойски:
— А что он, твой,
 наверно, попивал? —
Ответила:
— Да нет. И пить не пил.
И не гулял, был даже домовитым,
Но слишком трезвым был
 и деловитым —
И этим все, наверно, погубил.
Да сам ты как? Худющий-то какой!
Я увидала — просто сердце сжалось.
Ужель тебе так и не повстречалась
Та женщина,
 что стала б дорогой? —
И вдруг вздохнула, шарфик теребя:
— Я многого тогда не понимала.
Ты вспоминал меня?
 Я вспоминала.
Я очень-очень помнила тебя. —
А я молчу. Вот-вот начнет светать,
И целый мир
 как будто в колыбели.
И нелегко еще на самом деле
Как следует друг друга понимать.

Рецепт лекарства в общем
 был простым,
 Поскольку мы с одной ходили болью.
 Ей нужно было встретиться
 с другим,
 Как мне,
 ты слышишь,
 встретиться с тобою.
 А линия судьбы опять,
 опять
 Куда-то не туда ведет,
 вихляет,
 Когда, кого и с кем соединять —
 Кто знает?
 Видно, только жизнь и знает.
 Я через день в Москву вернусь,
 домой.
 Но год пройдет —
 не раньше, не позднее —
 Мы встретимся негаданно с тобой
 На лестнице в Бахрушинском музее.
 Ты будешь вся в дела погружена,
 А я приду,
 как жертва любопытства.
 Судьба ли, нет,
 но сердце вдруг: — Она!
 Она!
 Она! —
 и чаще станет биться.
 Еще пахнет тревогой
 и бедой,
 Но жизнь уже
 нам радость подарила —
 На миг застыть
 на лестнице одной,
 Руками
 за одни держась перила.
 В тот самый миг
 все было решено.
 Несвязные слова
 лишь подтвердили,

Что ты и я
уже давным-давно
В душе готовы к этой встрече были.
Как голубело небо
надо мной
И как легки казались
все заботы,
Когда на «Павелецкой-кольцевой»
Я первый раз
встречал тебя с работы.
Но радость гаснет
искоркой костра...
И вот, уже на целый мир
в обиде,
В Коломенском
у домика Петра
Стоим с тобой
и выхода не видим.
Так сразу всполошились
все кругом,
Казалось, случай
просто безысходный.
Возникли тут
коллеги
и партком,
Народный суд
и пересуд народный.
И сколько было
тягостных минут,
Когда друзья
плечами пожимали:
Мол, мы пойдем,
да все ли так поймут?
И, как бы извиняясь,
отступали.
И снова тяготила нас печаль,
Что надо
объяснять везде буквально:
Любовь —
всегда высокая мораль,
Жить в нелюбви —
вот это аморально.
Стоял в аллеях
праздничный галдеж.
А дали,
дали очень были мглисты.

Он в самом деле начинался,
дождь,
И раскрывали зонтики туристы.
Ударил гром,
как будто в нас попал.
Ты вздрогнула
и вдруг —
почти с мольбою:
— Послушай, ты искал меня?
— Искал...
— Ну так пойдем! —
И мы пошли с тобою.
Дождь припускал.
Он лил как из ведра.
Но так светлы,
так ясны стали дали.
И мы в дожде
счастливые бежали
В Коломенском у домика Петра.
Звезда над нами ясная зажгись
Или тревога новая повисни,
Но судеб наших линии
сошлись,
Став линией единой нашей жизни...

* * *

Твоим глазам
спасибо говорю
За этот мир,
не ставший мне пустыней.
И кажется,
чем больше в них смотрю.
Тем светятся они
необъяснимей.
Какая в них таятся
глубина,
Какая тайна древняя
хранится,
Каких ночей
вздыхает тишина,
Каких рассветов
ясный свет струится?
То вспыхивают,
нежностью светясь,

То шалость в них,
 то давняя усталость.
Ни трепетней,
 ни ярче этих глаз
Мне ничего на свете
 не встречалось.
То в них печаль,
 то радость в них горит,
То властность
 с нерешительностью спорит,
То женщина
 как девочка глядит,
То девочка
 совсем по-женски смотрит...
Что только не читал
 в глазах твоих —
И скорбь,
 и отрешенность,
 и участие.
Я со слезами боли
 видел их
И жаждал видеть
 со слезами счастья...
Не то чтоб даль
 совсем была чиста —
Еще она
 курилась и дымилась.
Но все уже
 на верные места
И прочно
 в нашей жизни становилось.
Хоть я в Байкал
 монетку не бросал,
Но служба и без этого
 призвала.
Я снова отправлялся
 на Байкал,
И ты меня
 в дорогу собирала.

5

А там в тайге был снег по пояс,
Когда,
 не скор
 и не тяжел,

По новым рельсам
новый поезд,
Дорогу пробуя,
пошел.
Несуетливо утверждая
Расчет и риск —
не чью-то блажь,
Гудком басистым убеждая,
Что он реальность —
не мираж,
Что ни в каких снегах-буранах
Вовеки
неостановим.
И рельсы прочные на шпалах
Слегка
пружинили под ним.
И тут же
подводя итоги
И свой приветствуя парад,
У насыпи,
у той дороги
Шумел
строительный отряд.
И перед радостью великой
Пространство поезд
раздвигал.
И кто-то алою косынкой,
А кто-то шапкою махал.
И возникали слева,
справа,
Еще не слышные вчера,
Слова
«Да здравствует»,
и «слава»,
И —
как ответ на них —
«ура!»
И тут,
как будто вдруг опомнясь,
Лихой,
сорвавшийся почти,
Ликующе всплеснулся голос:
— Наш паровоз, вперед лети...—
И вскоре
поезду вдогонку,

Как продолженье
торжества,
Про ту —
в коммуне —
остановку
Летели светлые слова.
Они звенели
и хрипели.
И отражалось в тех словах,
Что песню эту
деды пели
Еще с винтовками в руках.

* * *

С винтовками...
И вспомнил я твой взгляд
Тревожный,
переполненный волнением, —
Тогда с тобой
смотрели мы парад
С трибуны той,
что рядом с Мавзолеем.
Рубился шаг,
держался строго ряд,
И ликовали гости на трибуне.
А что парад?
Он раз в году парад.
Вся остальная служба —
это будни.
Они и труд наш ратный
и почет.
И, топая на первые ученья,
Смекаешь сам,
что «Родина зовет» —
Слова
неповторимого значенья.
Парад и служба —
небо и земля,
Теперь я вижу
свежими глазами —
Был батальон и впрямь
одна семья,
Но друга друг не видел
месяцами.

А мир не скоро
будет просветлен.
Армейская продлится путь-дорожка.
Еще из пропыленных
тех колонн
Помашут
наши Мишка и Сережка,
Как я махал.
А я махал в лесу.
Случалось так,
что лишь губу закусишь.
Я помню жизни
эту полосу,
Такое и захочешь —
не забудешь.
Но день придет,
ослабив все ремни,
Фуражку сняв
и щелкнув портсигаром,
Мне ротный скажет:
— Как ни поверни,
Живем недаром
и помрем недаром.—
Я уходил из армии в запас.
И это наше
краткое прощанье
Еще сильней соединяло нас.
Нам было и светлее
и печальней.
Присели мы над речкой
у раки
За стрельбищем.
Курили, говорили.
И то, что был в солдатских кружках
спирт,
Не страшно —
мы три года воду пили.
Три года —
как один армейский день.
Нормальный,
не короткий и не длинный.
И каждый день
мы брали на ремень
Пристрелянные наши карабины.
Да, каждый день — команда
«На ремень!».

Но карабин —
 он больше был как символ,
Что мы не тень
 наводим на плетень,
А что любим
 ответить можем силам.
И каждый день
 тем силам вопреки
По времени
 и по маршруту точно
Нас крытые везли грузовики.
А там, в лесу,
 она стояла —
 «точка».

Как докторами,
 нами вся кругом
Обстукана,
 ощупана дотошно,
Она располагала
 тем огнем,
Которым сбить огонь с планеты можно.
Она перед глазами
 до сих пор —
Двадцатого столетия
 мортира.
Она была одною из опор
Над пропастью
 подхваченного мира.
Мы четко знали
 заповедь одну,
Что если что-то с нею
 вдруг случится,
То не земля
 у солнца на виду
Пойдет,
 а мгла по космосу помчится.
Мне этих дней
 вовек не позабыть.
Мы жили,
 мы дышали по приказу.
И просто
 по душам поговорить
Не выкроили времени ни разу.
И не старались выкроить.
 Но вот,

Едва в глаза нам
 глянула разлука,
Уже друг друга
 так недостает
И столько стали значить
 друг для друга.

Он старше — ротный.
 Ротный — фронтовик.
Уже его глаза глядят устало.
Он говорить помногу
 не привык.

Он крайне краток,
 как строка устава.

И говорил:
 — Ты правильно пойми,
Раз уезжаешь,
 раз уж не остался,
Хочу,
 чтоб ты с хорошими людьми
На всех своих дорогах повстречался.
А в остальном, —
 он снова закурил, —

Все будет ладно
 и в большом и в малом,
Как мой когда-то ротный говорил:
«Живем не даром и помрем не даром».
Был сладок дым
 прощальных сигарет...

Любимая,
 он вьется,
 вьется,
 вьется...

Взойдет над нами солнце
 или нет —
От нас зависит больше,
 чем от солнца...

Задумавшись об этом,
 я стоял,

Когда,
 еще не больно как напорист,
На новых рельсах
 скорость набирал

И там,
 в тайге,
 скрывался новый поезд.

А после
в новом клубе был концерт,
Всем так легко смеялось
и мечталось...
И наконец
кладу в карман билет,
И только ночь
до вылета осталась.

* * *

Не мог уснуть.
Я вслушивался в ночь,
Хоть ясно,
что там ночь ни напророчь,
Но властный день
стремительно войдет
И что не по нему —
перечеркнет.
Заставит
окунуться с головой
То в праздный шум,
то в слишком деловой.
И стану я
запальчиво опять
То набело,
то начерно писать.
В какие-то вникая пустяки,
Звонить
и откликаться на звонки.
Не выпадет минуты
ни одной
Побывать
наедине с самим собой.
А я уже не мальчик,
и нужна
Хоть изредка
такая тишина,
Которая позволит мне в пути
Остановиться,
дух перевести.
Услышать ясно
грустный скрип подвод,
И шум очередей
в голодный год,

И речки плеск.
Увидеть наконец
Тот холмик,
под которым спит отец,
Сестру больную
с ужасом в глазах
И молодую маму
всю в слезах.
Победной той
и горестной порой
Мы выживали
вместе со страной.
И, сами голодавшие
не раз,
Друзья отца
подкармливали нас.
Да,
пусть не повторится
та беда,
Но и не канет в Лету
никогда.
Как бойкий день меня
ни заморочь,
Я буду снова вслушиваться в ночь.
И если эта боль моя пройдет,
Пусть сын меня
навек
проклянет.

6

Домой, домой!
Я время торопил,
Предчувствуя,
как сердце встрепенется,
Когда он задрожит,
могучий «Ил»,
И по бетонке взлетной понесется.
Как будто я
к последнему броску
С тяжелой
полной выкладкой готовлюсь.
Курс на Москву,
ты слышишь,
на Москву,

Курс на тебя,
а я не успокоюсь.
Заветное попробуй позабудь.
В душе моей твои слова лучатся:
— Придумай, ну придумай что-нибудь,
Чтоб нам с тобой уже не разлучаться.—
Сиял московский аэровокзал,
Мне ставили отметки на билете.
Я помню — посмотрел в твои глаза
И отшутился.
В общем, не ответил.
Он прост был,
смысл твоих прощальных слов,
Теперь я слышу в них мольбу такую,
Такой порыв,
такой горячий зов,
Уже я так тревожусь и тоскую...
И пыл пропал, и гонор мой иссяк.
Чтоб после не казнить себя жестоко,
В слова любимых вслушивайтесь так,
Чтоб осязать их,
а не слышать только.
Слова любимых...
В них всей жизни суть.
Потом с такую болью вспоминаешь:
«Придумай.
Ну придумай что-нибудь!
Чтоб нам с тобой,
чтоб нам... ты понимаешь?»

* * *

У нетерпенья
свой, понятно, счет,
Оно еще потребует усилий.
Не так он скор, признаться,
самолет,
Когда летишь
над матушкой-Россией.
Страна как мир,
что вдоль,
что поперек.
На этой даже
реактивной птице

И то не враз,
 не в больно краткий срок
 Отсюда доберешься до столицы.
 Пока стоит
 густой турбинный шум,
 Пока навстречу
 даль тебе несется,
 Тут столько
 передумается дум
 И столько чувств
 у сердца
 всколыхнется.
 Плывут,
 как горы хлопка,
 облака.
 Вниз посмотрю —
 опять леса увижу.
 Который час тайга,
 тайга,
 тайга...
 И все-таки столица ближе,
 ближе.
 Она вдали,
 спокойна и мудра,
 С Кремлем высоким,
 с тихим Мавзолеем,
 С Коломенским,
 с тем домиком Петра,
 С той лестницей
 в Бахрушинском музее.
 А лайнер тянет,
 будто по реке,
 По ровному
 широкому теченью.
 Лечу домой.
 Лечу не налегке,
 И вечность
 отзывается мгновенью.
 Лечу домой
 и сердцем слышу зов.
 Смотрю,
 смотрю в простор необозримый,
 И столько есть
 невысказанных слов

И столько чувств в душе
невывразимых.
Переплелись
и радость,
и беда,
И горечь,
и раздумья,
и усталость.
Но не придется вскрикнуть никогда:
— Ах, с памятью моею что-то случилось...—
Нет,
я не позабуду ничего,
Проверю сердцем
все свои сомненья.
Я родом из России,
из того
Клейменного бедоу
поколенья.
Мы дети той
обугленной страны,
Мы никогда не ждали,
не просили,
Чтоб нам отцы
на блюдечках с войны
Еще конфетки счастья
приносили.
Они,
отцы,
порой судьбу кляня,
Но безусловно верные
Отчизне,
Стояли,
как на линии огня,
На линии
своей реальной жизни.
Нам фронтовые
пели соловьи,
И как мы хмуро
брови ни насупим,
Но автобиографии свои
Ни за какие франки
не уступим.
Она пришла к нам вовремя,
пора
С иллюзиями юности расстаться,

Узнать, что нет абстрактного добра
И что со злом конкретно нужно драться.
Какое испытанье ни придет,
В добро нам верить. Только.
Не иначе.
Пусть женщина любимая поет,
Пусть никакая женщина не плачет.
Нам помнить до своих последних дней,
Как мир суров, как люди в нем ранимы,
Как на земле по сути по своей
Добро и зло вовек непримиримы.

Игорь Иванович Ляпин

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Поэма

Редактор **Е. А. Антошкин**.

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**.

Сдано в набор 23.02.83. Подписано к печати 16.05.83. А 00676. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,80. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1354. Зак. № 296. Цена 40 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

ВАМ, КИНОЛЮБИТЕЛИ!

Каждый кинолюбитель знает:
снять фильм — полдела!
Сложнее — обработка пленки,
изготовление копий и титров.
Эту работу возьмут на себя
КИНОЛАБОРАТОРИИ СЛУЖБЫ БЫТА.

Заказы можно оформить по почте
с оплатой их наложенным платежом.

Адреса зональных кинолабораторий:

129243, Москва, Ракетный бульвар, 4
198092, Ленинград, пер. Урюпина, 15а
344019, Ростов-на-Дону, ул. Налбандяна, 89
354000, Сочи, ул. Северная, 10
400003, Волгоград, ул. Кузнецкая, 67
620085, Свердловск, ул. Санаторная, 32
630093, Новосибирск, ул. Чаплыгина, 45
690037, Владивосток, ул. Патриса
Лумумбы, 48

Росбытреклама